

племени, господствовавшего в императорский период, но в равной степени и от других народов, находившихся вольно или невольно в тисках бывшей империи. И теперь в борьбе с новым коммунистическим насилием, которым прикрылся старый великорусский шовинизм, нельзя думать, что возможно будет восстановление засилия какой либо одной национальности. Только после действительного национально-государственного самоутверждения каждого народа возможно будет приступить к организации жизнеспособного наднационального объединения, как организации исторического служения всечеловеческим ценностям в соответствии с духом каждого народа.

Уродливо-односторонним решением национального вопроса в доктринах национализма и интернационализма нужно противопоставить новое третье решение, как выход из той безнадежной альтернативы, которую они собой представляют. В духе этого, единственно возможным и морально-политически состоятельным нам представляется соответственное синтетическое решение, которое вместило бы их долю правды и исключило бы их ложь. Оно должно быть неким наднациональным единством на национальных основах. Такое решение осуществимо на почве общности служения объединяющихся народов, на почве идеи мессианизма. Тогда как национализм порождает эгоизм и центробежные тенденции; мессианизм создаст дух служения и центростремительные тенденции.

Только в направлении такого третьего синтетического решения, в духе идей пореволюционного сознания, народы России смогут реализовать все свои творческие силы, и выявляя свободно каждый свой своеобразный национальный цвет, составить богатый спектр новой культурной радуги.

Д. Даренко.

Третье решение

(Политическая экономия крестьянства)

I

История говорит нам, что всякий раз, когда новый слой населения приходит к власти, государственная деятельность получает новую окраску, соответствующую психологии этого слоя. Так, с приходом к власти буржуазии воцаряется либерализм. Рабочие, психологически поклонники действий скопом, проводят в жизнь этализм (коммунизм). И с приходом к власти крестьянства (земельных собственников по их психологии) вся государственная деятельность тоже должна приобрести соответствующую окраску.

С политической точки зрения (в вопросе об образовании власти) буржуазия стоит обычно за цензовые выборы, рабочие же — за выборы по профессиональному признаку. В первом случае власть оказывается в руках у капитала, во втором — господствует простая организованность. Крестьянство не может пойти ни по тому, ни по другому пути. Оно не располагает силой капитала, и его разбросанность по огромному пространству с чрезвычайно разнообразными природными условиями лишает его возможности осуществить мощную организацию и выступать всюду и всегда единой, сплоченной массой. Единственно только пропорциональная система выборов может обеспечить крестьянству то влияние на дела государства, на которое этот слой населения может вполне справедливо претендовать, как по своей численности, так и по значению сельско-хозяйственных промыслов для жизни всего государства.

С административной точки зрения (по вопросу о методах управления) буржуазия стоит за невмешательство власти, рабочие (и служащие) — за принудительное регулирование. Та и другая хозяйств. система (капитализм и этатизм) зашли в тупик и крестьянство, выходя на арену государственной деятельности, силой вещей вынуждено будет искать **третьего** решения. Оно не будет одиноким на этом пути: у него были уже предшественники, есть у него и попутчики.

По существу дела политика неразрывно связана с экономикой; для буржуазии и капитализма оправданием являются либеральные экономические учения, для рабочих и этатизма (коммунизма) — марксизм. Ни та, ни другая экономическая доктрина для крестьянства полностью не приемлема: обе они превращают его в сельско-хозяйственных батраков. Крестьянство может и должно дать толчок к развитию новой экономической доктрины и к пересмотру совр. мировой экономики с новой точки зрения. Такая эконом. система может быть лишь **синтезом** всех достижений экономической науки в ее современном положении, или, правильнее говоря, всей науки вообще.

Из числа экономистов наиболее близкими к психологии крестьянства являются физиократы, джоржисты и кооператисты. Последние в особенности близки крестьянству **практически**, благодаря тому широкому применению, которое находит себе кооперация в сельско-хозяйственном быту. Нет ничего удивительного в том, что **экономика крестьянства** психологически и практически будет близка к вышеуказанным трем экономическим школам.

Школа физиократов считала **действительно** продуктивным только сельско-хозяйственный труд, потому что только природа может творить **прирост**.

По мнению Генри Джорджа (основателя джорджизма) **прибыль** создается природой, собирается в сельском хозяйстве и лишь в процессе обмена распределяется и по другим промыслам.

Кооператисты выдвигают на первый план не эгоистическую пого-

ню за наживой и не бюрократическое планирование, а самодеятельность и взаимопомощь населения.

Если к этим теоретическим построениям прибавить громадный экономический опыт (результаты кооперации, капитализма и этатизма), то получается полная возможность возникновения целостного архитектурно-экономического нового экономического мировоззрения (крестьянства).

II

Физиократы учили, что «долг каждого индивидуума и всех правительств стараться регулировать свое поведение сообразно с законами природы, которые мы не можем изменить, если бы даже и хотели, потому что эти законы не нами установлены».

Шарль Жид писал: «Существование законов природы является условием *sine qua non* продуктивности индивидуальной инициативы и деятельности. Как мог бы человек влиять полезно на явления, если бы эти последние не были связаны между собой цепью известных и постоянных отношений».

Люсьен Далиньер говорит: «Законы природы непорушимы. Человек может лишь их познавать. Напрасно он претендовал бы их изменить».

Ив. Гюйо писал в свою очередь: «Гегель уподоблял экономические законы законам мирового тяготения. Никто не может безнаказано пытаться освободиться от влияния тех и других».

Основным законом природы является закон открытый Лавуазье: «ничто не творится, ничто не исчезает в природе».

Но мир не остается вечно одним и тем же; он непрерывно изменяется с течением времени от прошлого к будущему. Эта эволюция природы состоит в рассеивании материи в безграничном пространстве и в приближении ее движения к какой то средней величине, Человек живет в замирающей среде.

До настоящего времени никто не мог найти средства или способа превращать мертвую материю в живое существо. В пределах самого существования науки живое вечно сосуществует с мертвой материей и отличается от этой последней исключительной способностью к росту, размножению и видоизменению при условии питания другими живыми веществами (борьба за существование). Самое существование жизни противоречит эволюции природы и развитие живых существ заключается в увеличении их разнообразия, тогда как мертвая природа идет к однообразию смерти подобному. В силу этого из числа живых существ наиболее живучими оказываются те, которые лучше умеют экономизировать свои усилия (принцип гедонизма) и лучше могут использовать их дифференциацию (принцип разделения труда).

Как физическая, так и психологическая деятельность человека,

требует расхода запасов живой и мертвой материи, и человек утомляется тем меньше, чем лучше координированы действия различных органов и чем тщательнее избегнуты излишние, бесполезные жесты и движения. Отсюда вытекает известное чрезвычайно важное следствие: **деятельность человека в силу принуждения в той или иной форме никогда не может дать лучших или даже равных результатов по сравнению с усилием добровольным или по свободному соглашению.**

Т. о. вышеперечисленных законов природы человечество не может изменить, что же касается до способов обмена, до характера распределения, до различных методов хранения и утилизации накопленных богатств, до различных приемов самого их образования, накопления и т. д. — все они были созданы людьми и, следовательно, все могут быть изменяемы или направляемы сообразно воле человека.

Это разделение на две области, одну подчиненную влияниям природы, другую управляемую человеком, психологически глубоко укоренено в каждом сельском хозяйстве, и несомненно должно войти в новую экономическую доктрину крестьянства.

III

В области доступной влиянию человека основным вопросом является метод распределения между членами общества (сельскими хозяевами, промышленниками, рабочими, коммерсантами и администраторами) прироста, создаваемого природой и экономией — промышленностью и торговлей. Это распределение в различные эпохи и у различных народов было основано то на физической силе, то на правах происхождения, то на политической зависимости, то на финансовой ловкости. Со времени завоевания всеми гражданами политических прав стремится установиться новый порядок, при котором распределение благ должно производиться в интересах наибольшей выгоды **всех и каждого**, то есть сообразно количеству полезного труда и умения каждого члена общества.

Такой метод распределения вполне приемлем для крестьянства, но в определении хоз. **полезности** оно несомненно должно внести свое новое сознание. На первом плане должны быть поставлены пучды сельского хозяйства, и все остальное лишь в размерах избытка. Иначе говоря, прогресс во всех областях жизни должен соответствовать прогрессу в области сельского хозяйства. Капитал, труд и умение, вложенные в сельское хозяйство, должны оплачиваться по крайней мере не хуже чем капитал, труд и умение, вложенные в промышленность и торговлю. Ради уменьшения стоимости содержания хоз. административного аппарата крестьянство несомненно будет расположено ограничивать его функции лишь безусловно необходимым (теория физиократов). Лучшей мерой для удешевления стоимости услуг коммерсантов и промышленников крестьянство должно будет

признать самостоятельность населения (кооперация). Так как все косвенные налоги в конце концов ложатся главным образом на его плечи, то идеи «джорджистов» о прямом исключительном налоге на землю могут иметь успех среди крестьян.

Шаг за шагом перед нами вырисовываются возможности возникновения новой политической экономики крестьянства — как в смысле теории, так и в смысле нового переустройства системы народного хозяйства. И мы думаем, что в приложении к текущей действительности она окажется гораздо более продуктивной, чем прочие. Разного рода чисто эмпирические меры, которые вопреки обычным экономическим теориям не раз спасали государства на краю их экономической гибели, находят себе оправдание и объяснение именно в возможной политической экономике крестьянства.

Н. Иванов.

Идеологическая провокация — против большевизанства

«Флирт этой дрянью мы не должны брать всерьез, но мы должны уметь ее серьезно использовать: с врагами лучше всего бороться при помощи врагов».

(Из речи Сталина «О большевизанствующих и примазывающихся», 1924 г.).

С некоторых пор эмиграция по существу, прекратила активную борьбу с большевизмом. Кругом — или обывательская пыль, или люди политически опустившиеся, или, наконец, всякого рода нахальню, вызывающе большевизанствующая наволочь.

Основная причина этого состоит в том, что эмиграция — это две России — по нашей терминологии — Первая — правая и Вторая — левая, исрежившие обе исторический кризис — первая в феврале 1917 года, вторая в октябре, а идеологически перевооружиться нет ни у той, ни у другой достаточного стремления. Но тут поистине замечательно, однако, нечто другое, — как раз все те попытки идеологического переоценки, исканий, новых веяний, которые и должны бы были морально — политически возродить эмиграцию, как-то неизменно вместо нового оружия против большевизма обращались в средство его реабилитации. На всех них какой-то дьявольской рукой оказывалась наложенной, в корне их порочающей, печать большевизанства. Таким образом, большевизм, победив прежде внешне-политически, в этом характерном явлении может праздновать свою вторую морально-по-